

«Зверства» войск антирусской коалиции в 1914–1918 гг.: военный опыт и пропаганда

Жестокости сопровождают войны с глубокой древности. Однако в Первой мировой войне тема «зверств» широко эксплуатировалась в пропагандистских целях. Главной причиной этого являлась необходимость мотивации широкого контингента гражданских лиц — главных участников военных действий — к активной поддержке военной кампании. Большую роль в пропаганде «зверств» играли следственные комиссии, созданные всеми участниками конфликта. В исторической литературе на Западе проблема «зверства» изучается в свете проблемы насилия. В отечественной литературе эта тема фигурирует как «преступления империализма», и только в последнее время стала рассматриваться в свете применения международного права в условиях войны¹.

В нашей статье мы постараемся ответить на вопрос: в какой степени пропаганда «зверств» со стороны России соответствовала задачам мотивации борьбы с внешним врагом в современной войне, тотальной по мобилизации всех ресурсов обществ, народной — по своему социальному характеру. Статья подготовлена на архивном (Российского государственного военно-исторического архива, РГВИА) и опубликованном материале Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК), а также на материалах фондов Ставки, фронтовых штабов, Российского общества Красного креста (РОКК), писем, прошедших военную цензуру.

Освещение «зверств» в странах Антанты концентрировалось на «вероломном нападении» на Бельгию, жестокостях германских войск по отношению к мирному населению захваченных областей Бельгии и Франции. Размаху пропаганды способствовала «свободная пресса», имевшая опыт мобилизации общественного мнения в эпоху империализма, а также деятельность комиссий по разоблачению «зверств» со стороны противника. Авторитетность таких комиссий объяснялась гласностью их работы, участием в их составе видных юристов, общественных деятелей, известных не только в собственной стране, но и нейтральных странах и даже в странах противника. Освещение «зверств» в Германии

в начале войны характеризовалось идеалистическими мотивами, согласно которым нация и армия, слишком горды, чтобы отвечать на оскорбления противника. Этой задаче была подчинена и деятельность германской комиссии о «зверствах». Строго дипломатическая задача была поставлена и перед комиссией о «зверствах» Австро-Венгрии².

В России первоначально «кампания зверств» была подхвачена печатью, в то время как точных сведений о нарушениях законов войны не собиралось. Не предполагалось создавать в начале войны и комиссии по «зверствам». Это объяснялось наличием, как казалось, достаточной мотивации борьбы в виде пропаганды за «освобождение славян», а также надеждой на скорое заключение мира.

Однако к весне 1915 г. выявились серьезные причины для создания такой комиссии. Эффективность «славянской пропаганды» стала снижаться. Стала нарастать моральная усталость русской армии, что выразилось в участившихся случаях сдачи в плен. На Западе комиссиями были опубликованы доклады о «зверствах», в то время как Россия, будучи инициатором Гаагской конвенции 1907 г. запаздывала. И для пропаганды, и для возбуждения следствия против военных преступников во время войны необходима была доказательная база. Важна была роль подобных документов и на послевоенных международных конгрессах и конференциях³. Кроме того, на Восточном фронте весной, в период относительного затишья, участились взаимные расстрелы пленных, жестокости, проявления личной мести, что требовало урегулирования в рамках международного права. В результате по инициативе МИД и с участием Ставки и Государственной думы 9 апреля 1915 г. была создана *Чрезвычайная следственная комиссия (ЧСК) для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками*; с 9 ноября 1915 г. название комиссии было дополнено словами «и войсками, действующими в союзе с Германией и Австро-Венгрией»⁴. В комиссию входили председатель от Сената и 7 членов: один — от Госсовета (по выборам), один — от Государственной думы, два — от военной юстиции, два — от гражданской юстиции, один — от МИД. Но в целом ЧСК была бюрократическим органом, в котором не было известных общественных деятелей, ученых⁵.

В структуре ЧСК насчитывалось четыре делопроизводства. 1-е делопроизводство занималось нарушениями в отношении к военно-

служащим русской армии. В отделе А рассматривались нарушения на поле боя, в отделе Б — нарушения после боя, в отделе В — нарушения к военнопленным, в отделе Г — нарушения в зоне боевых действий. 2-е делопроизводство рассматривало нарушения в отношении санитарных учреждений. 3-е делопроизводство рассматривало нарушения по отношению к мирному населению: отдел А — к отдельным мирным жителям, отдел Б — в отношении общественной безопасности (бомбежки, грабежи, оскорбление святынь и т.п.). 4-е делопроизводство рассматривало нарушения со стороны Турции и Болгарии. ЧСК занималась также противодействием «ложным обвинениям армии России в нарушении законов и обычаев войны».

Сведения о «зверствах» поступали в комиссию от военных чинов, военной и гражданской властей, МИД, персонала лечебных заведений, духовенства, печати, а также в личных заявлениях граждан. Однако в армии не спешили делиться информацией с представителями ЧСК, которых подозревали чуть ли не в пацифистских настроениях. Порою командование сообщало непроверенные сведения прямо в печать, после чего ЧСК вынуждена была проверять эти газетные сведения, что приводило нередко к опровержениям самих фактов «зверств»⁶. Ненадежными были и сведения отдельных воинских чинов, часто дававших показания через многие месяцы, даже годы, после расследуемых событий. Это касалось и многих представителей Красного креста и гражданских лиц.

Комиссия зарегистрировала по данным на 1 июля 1916 г. 11 307 нарушений законов и обычаев войны: по 1-й группе — 8807, по 2-й — 1114, по 3-й — 1386, а всего за войну свыше — 15 тыс. Из них 64% относилось к применению противником разрывных пуль. Значительная часть нарушений была взята из показаний 6375 инвалидов-военнопленных и 1 586 бежавших из плена⁷.

Комиссия широко публиковала свои труды, в которые входили официальные отчеты, материалы, тематические подборки «для армии и народа». Всего на начало 1917 г. было издано 3 млн экз. изданий ЧСК⁸. Работы комиссии распространялись в России в армии и среди населения, а также в других странах Европы, Америки и Азии. При ЧСК работал музей, проводились лекции среди населения, молодежи, велись переговоры с кинофирмой «Русская Лента» о создании фильмов.

Главным в «пропаганде зверств» ЧСК оказалось расследование конкретных эпизодов нарушений противником Женевской конвенции 1864 г., Петербургской декларации 1868 г., а также Гаагских деклараций 1899 и 1907 гг. К преступлениям на поле боя в отношении русской армии относились применение противником разрывных, стеклянных, отравленных пуль, удушливых и слезоточивого газов, пуль и снарядов, начиненных горючим веществом, серной или синильной кислотой, серных зажигательных шпилек, машинного газа, огнеметов, отравленных штыков; разбрасывание неприятельскими летчиками бомб, начиненных мелким рубленным железом, предметов (палочек, папирос и др.), начиненных взрывчатыми веществами; распространение в зоне боевых действий напитков и маринованных фруктов, отравленных ядами, других предметов и продуктов с бактериями холеры, сапа и сибирской язвы, отравление сена, колодцев, рек; злоупотребление белым флагом, а также флагами других (Швеция) государств; применение на самолетах русских опознавательных знаков; переодевание в форму русской армии; обстрел и взятие в плен парламентариев. На поле боя (после боя) регистрировались выставление пленных для прикрытия атаки, а после окончания боевых действий — расстрел сдающихся в плен и добивание раненых воинов, надругательство над трупами (выставление трупа на кол между проволочными заграждениями или головы на колу плетня) или пленными (выставление их раздетыми донага перед окопами). Среди преступлений по отношению к пленным воинам русской армии вне боевой обстановки отмечались неоказание помощи, побои, избивания раненых, расстрелы, сожжение, утопление, зарывание в землю по пояс, погребение заживо, истязание, растерзание, изувечение, изуродование пальцев рук, ног, ушей, носа, щек, языка, половых органов, ослепление, вырезание горла, груди, снятие скальпа, распятие. В лагерях для русских военнопленных имели место жестокое обращение, расстрелы, сожжение, отравление, принуждение к военным работам, вербовка для службы в собственной армии или армиях союзников, унижение офицеров (срезание погон с офицеров, принуждение к работам). Против учреждений Красного Креста регистрировались обстрелы, избивания, изнасилования сестер милосердия. По отношению к мирным жителям регистрировались ограбление, взятие в плен и на военные работы, жестокое обращение, включая избивания женщин и детей, изнасилование

женщин, включая девушек, старух, бомбежки местности, осквернение церквей, религиозных святынь⁹.

В материалах ЧСК упор делался на истязаниях солдат. По данным комиссии, в них участвовали лично офицеры и генералы противника, включая «офицеров генерального штаба». Всегда наготове был набор пыток, специальные инструменты: ножички, ножницы, щипчики, раскаленные на огне железные палки и т.п. Особенно часто истязаниям подвергались казаки, которых противник не считал за представителей регулярных формирований. В отчетах неизменно подчеркивалось героическое поведение русских солдат под пытками. Истязуемые отказывались давать показания, выдавать военные тайны, под самыми изощренными пытками, а на обещание получить «много золота» отвечали прибаутками: «Пошлите к нам в Россию 25 своих корпусов, и они в 25 лет не сосчитают, сколько у нас войска». Ночью в перерывах между страшными пытками (подвешивание за руки, прижигание ступней, отрезание кусков тела) герои рыли подкопы, а накануне смертной казни успешно бежали, проявляя невиданное удалство¹⁰. Порою авторы отчетов не могли найти нужную форму подачи материала «зверств». Это было вызвано смешением самих понятий героизма и подвижничества, готовности жертвовать «за други своя». Авторы отчетов пытались совместить жалость к жертвам и удаль героев, что создавало в некоторых случаях комический эффект. Такие пассажи высмеивались в печати. Так в «Новом Сатириконе» в апреле 1916 г. в статье Б. Мирского «Фабрика ангелов» «зверства» были обыграны в сцене в лавке, где бойкий торговец встречал покупателя словами: «Что прикажете? Все, сударь, в нашем торговом доме имеется. Отрезанного язычка не желаете?... Самый свежий, последнего присыла <...> Вот, пожалуйста: пехотинцы за шею повешены, на поясах болтаются – лица страшные, черные, языки повиснуты. У одного солдата нос отрезан, у другого ухо, а у третьего глаза выколоты и в одном глазу германский штык торчит». В ответ на возмущение статьей членами ЧСК, военным командованием редакция указывала, что в статье высмеивались только лишь «беллетристические приемы неизвестного автора, подошедшего <...> не с той стороны к такой серьезной, трагической и ответственной теме, как жестокие издевательства немцев над нашими солдатами». Примеры «правильного» освещения «зверств» давал тот же «Новый Сатирикон»,

публиковавший то изображение немецкой мясной лавки, в который продавались колбасы из мяса павших немецких солдат, то статью о германском проекте перемалывания костей убитых на войне для удобрения полей и вываривания трупов собственных павших солдат для получения глицерина для производства взрывчатых веществ и т.п.¹¹

Но не только на образованную публику производила двусмысленное впечатление «пропаганда зверств». Сомневались в ужасах плена и солдаты, сообщавшие сведения, расходившиеся с данными о положении в лагерях для военнопленных. Так, в ряде сообщений от бежавших из плена указывалось, что в лагерях для военнопленных не запирали камеры, оставляли деньги пленным, заключенные хранили у себя карты, компасы, даже знамена полковых частей. При попытке бежать и в случае нападения на часового с применением тяжелого предмета охранники лагерей ограничивались... «избиениями». Не рвались бывшие пленные и на фронт, чтобы «отомстить за мучения», как об этом сообщалось в пропагандистских брошюрах, а также в фиктивных письмах от лица военнопленных¹². Ослабляли эффективность «пропаганды зверств» и нарушения законов и обычаев войны со стороны самой русской армии. Это касалось и разрывных пуль, и химического оружия в виде снарядов с отравляющими газами, и мародерство на позициях, и грабежи по отношению к населению¹³.

В литературе ставится вопрос об особых «зверствах» на Восточном фронте, причину чего И.В. Нарский, со ссылкой на Д. Шумана, видит в маневренном характере войны, которая определила вообще всплеск насилия в 1917 г. и потом в Гражданской войне¹⁴. Такие заявления, однако, не подтверждаются фактами. Прежде всего, активность Восточного фронта была эпизодической. На активные наступательные действия Северного, Северо-Западного и Западного фронтов приходилось 6% времени военных действий, на оборонительные — 18%, а на позиционное «бездействие» — 76%. На Юго-Западном фронте на активные действия приходилось 27%, на оборону — 18%, на «бездействие» — 55%. Вместе с тем, маневренная война при частом непосредственном контакте с противником ведет не только к ожесточению, но и к взаимным сдачам в плен, нередко по взаимной договоренности, а порою и к братаниям, что и наблюдалось в конце 1914 г. — начале 1915 г. на Восточном фронте¹⁵. В то же время в условиях позиционной войны наблюдаются

активные военные действия в виде так называемой «малой» войны, полной постоянных столкновений и ожесточенного противоборства, включая встречи «лицом к лицу». Позиционная война отнюдь не исключает ожесточенности после «сидения в окопах». Так, после зимне-весеннего сидения в окопах во время летних боев 1916 г. наблюдались массовые избиения русскими войсками сдающихся в плен на поле боя, добывание раненых, включая и своих и т.д.¹⁶. Трудно вообще доказать преобладание жестокостей на Восточном фронте по сравнению с Западным фронтом, где присутствовала та же номенклатура «зверств»¹⁷. Еще труднее доказать зависимость политического послевоенного насилия в России от маневренной войны на Восточном фронте. Ведь только часть солдат на Восточном фронте, участвовавших в боях в 1914–1915 гг. и частично в 1916 г., приняли участие в революции и Гражданской войне, остальные погибли, попали в плен, были выведены из строя. Скорее, главным для Восточного фронта является столкновение в целом армии традиционного типа, тяготеющей к маневренной войне, с реалиями войны нового типа, все более исключавшими старые методы военных действий. Степень же послевоенного насилия зависит от уровня противоречий в обществе, на которые накладывается военный опыт.

После Февральской революции первое место в пропагандистской тематике занял «внутренний враг», что потребовало обнаружения и новых «зверств»: со стороны кронштадтских моряков, «ленинцев», «буржуазии». Авторитет ЧСК утрачивался, летом бывшие военнопленные в качестве «жертв войны» поставили вопрос о выселении комиссии из здания Сената. Закрытая 24 ноября 1917 г. по Декрету СНК о суде, ЧСК прекратила работу на своем последнем заседании 12 июня 1918 г. (по новому стилю)¹⁸.

За годы войны ЧСК собрала большой материал о военных преступлениях противника, который оказывал определенное влияние на мобилизацию общества в современной войне. ЧСК достойно представляла Россию в международном правовом пространстве. Однако были и серьезные недостатки в работе комиссии. Позднее начало деятельности комиссии объяснялось недооценкой вообще роли пропаганды. Ее бюрократический характер исходил из недоверия к общественным силам. Существовали проблемы взаимоотношений комиссии с армией,

печатью. Неясные целевые установки и стиль изложения материалов являлись следствием отсутствия националистических настроений и ненависти в истории довоенной России. Сами материалы комиссии производили весьма слабый эффект на солдат, в глазах которых «зверства» не выделялись на фоне «ужасов войны», зависели не от противника, а от характера войны как таковой. Оказывали влияние на восприятие «зверств», чинимых противником, и тяжелые условия службы, нарушения законов и обычаев войны в самой русской армии.

В конце войны «внутренний враг» стал представляться актуальнее, чем «зверства» противника. Пропаганда «зверств» осталась проблемой в России в периоды противостояния с внутренним и внешним врагом в последующие десятилетия уже в иной социально-политической и геополитической обстановке и решалась с учетом военного опыта участников Первой мировой войны.

Примечания

1. *Ромашкин П.С.* Военные преступления империализма. М., 1953; *Котенев В.А.* Ответственность за военные преступления в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2007. №6. С. 138–142.
2. *Read J.M.* Atrocity Propaganda, 1914–1919. New Haven: Yale University Press, 1941. P. 16, 22–23, 49, 63, 65, 89, 108–109, 112–119, 133, 148, 218.
3. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 29. Л. 8.
4. Обзор действий Чрезвычайной Следственной Комиссии. Т. 1. Пг., 1916. (далее – Обзор...) С. I; РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 29. Л. 4–4об., 7–9; Ф. 13159. Оп. 7. Д. 205. Л. 17–17об.
5. РГВИА. Ф. 13159. Оп. 7. Д. 204. Л. 31–44, 47–54об., 58–63, 66–89, 115–122, 125–131, 136–145, 148–155.
6. РГВИА. Ф. 13159. Оп. 4. Д. 1185. Л. 4, 5–5об., 7–7об., 9–15, 17; Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1173. Л. 160–160об., 169–169об.
7. Обзор... Т. 2. Пг., 1916. С. I; РГВИА. Ф. 13159. Оп. 6. Д. 1804. Л. 11; Д. 1892. Л. 8.
8. РГВИА. Ф. 13159. Оп. 6. Д. 1804. Л. 1; Обзор... Т. 1. Пг., 1916. С. V; Обзор... Т. 2. Пг., 1916. С. II.
9. Обзор... Т. 1–2. Пг., 1916; Россия. Чрезвычайная следственная комиссия для расследования нарушений законов и обычаев ведения войны австро-венгерскими и германскими войсками. Материалы

- (далее – Материалы...) Вып. 1–45; Ф. 13159. Оп. 1–7.
10. Материалы... Вып. 1. Тетр. №1–3; Вып. 2. Тетр. №5; Вып. 3. Тетр. №10; Вып. 4. Тетр. №14. С. 8–10; Вып. 7. С. 4–5
 11. Новый Сатирикон. 1916. №16. С. 5; №21. С. 9.
 12. РГВИА. Ф. 13159. Оп. 6. Д. 1892. Л. 12–14, 47–48об., 141–148; *Асташов А.Б.* Пропаганда на Русской фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 82, 356.
 13. РГВИА. Ф. 13159. Оп. 6. Д. 1803. Л. 140об.; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 54, 83–87об.; Ф. 2070. Оп. 1. Д. 365. Л. 24; Ф. 16142. Оп. 2. Д. 14. Л. 448–448об.
 14. Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. / редкол: И.В Нарский и др. Челябинск, 2007. С. 493; *Shumann D.* Europa, der Erste Weltkrieg und die Nachkriegszeit. Eine Kontinuitaet der Gewalt // *Journal of Modern European History.* 2003. № 1. S. 32.
 15. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 2, 9–9об., 97–97об, 118, 119, 157об., 163–164.
 16. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 26; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 59об., 153, 198, 228, 293, 375; Д. 3863. Л. 4; Ф. 2122. Оп. 1. Д. 967. Ч. 2. Л. 346об., 375, 382, 426об.
 17. *Read J.M.* Op. cit.
 18. РГВИА. Ф. 13159. Оп. 6. Д. 1803. Л. 147, 150; Оп. 7. Д. 222. Л. 10.

М. Эггер

**Дипломатическое урегулирование проблемы
военнопленных на Восточном фронте
(на примере четырех конференций Красного
Креста в Стокгольме в 1915–1917 гг.)***

Основные принципы ведения войны были закреплены в Гаагских конвенциях (1899 и 1907 гг.), но базовые правила обращения с военнопленными существовали еще накануне Первой мировой войны.

* Перевод с английского А. Дудиной, А. Малыгиной.